

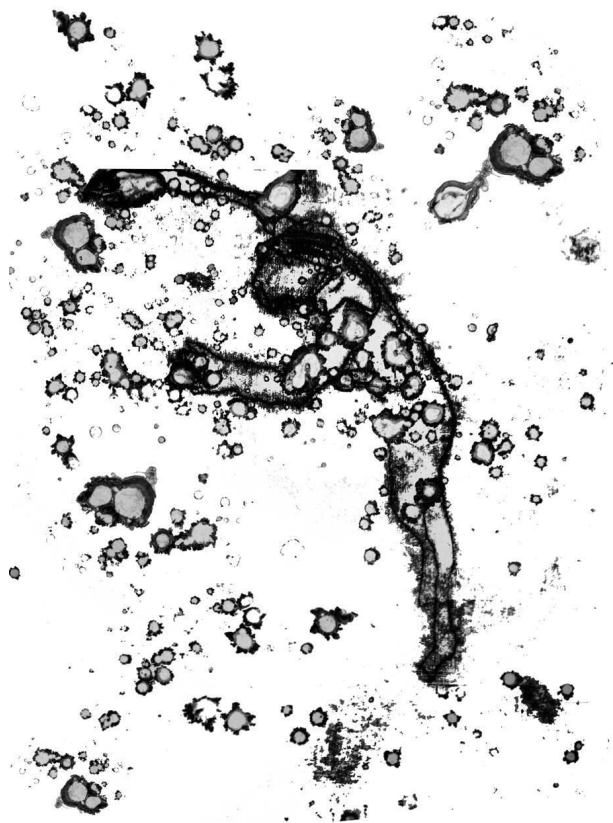
*Моей маме Андреа
и всем женщинам, которые меня вырастили*

ПО ПРИКАЗУ КОРОЛЯ

Ежели колдун или ворожея отречется
от Господа нашего, и Святого Писания,
и христианской веры и поклонится диаволу,
таковых следует без промедления
предать огню и сожжению.

*Из датско-норвежского Закона
против колдовства и волшбы,
изданного в 1617 году
и объявленного в Финнмарке в 1620 году*

ШТОРМ

Вардѣ, Финнмарк,
северо-восточная Норвегия,
1617

Прошлой ночью Марен снился кит, выбросившийся на берег под скалой за ее домом. Она спустилась к нему по отвесному склону и легла рядом. Обняла эту колышущуюся громаду, эту смрадную необъятную тушу, и замерла, глядя в его яркий глаз. Больше она ничего не могла для него сделать.

Мужчины с топорами и серпами спустились по черным камням, словно стая проворных жуков в сверкающих панцирях. Они принялись рубить и резать еще прежде, чем кит испустил дух. Он дергался, бился, но они облепили его со всех сторон, держали крепко, как сеть, опутавшая рыбий косяк. Руки Марен будто выросли, стали длиннее, она обнимала его, исступленно и яростно, все крепче и крепче, и уже сама не понимала, то ли она утешает его, то ли, наоборот, душит, но ей было уже все равно. Она просто смотрела в его закатившийся глаз. Не моргая и не отрываясь.

В конце концов он затих, его дыхание сделалось почти неслышным, а люди продолжали рубить и пилить. Она почувствовала запах китового жира, горящего в лампах, еще до того, как кит перестал биться в ее объятиях. Еще до того, как его яркий глаз помутнел.

Она опустилась на самое дно. Ночь над ней была темной, безлунной, звезды рассыпались по морской глади. Она утонула, а затем вырвалась из сна, хватая ртом воздух. В носу свербило от дыма, в горле комом застыла тьма. Под языком осел привкус горящего китового жира, и его было уже не смыть.

Шторм поднялся внезапно, в мгновение ока. Так о нем будут рассказывать после, еще многие месяцы и даже годы, когда он наконец перестанет отзываться пронзительной болью в груди и стоять удушающим комом в горле. Когда он превратится в легенду. Но в легендах нет правды. Слова сплетаются слишком легко и беспечно. А в том, что видела Марен, не было ни легкости, ни величия.

Она вспоминает тот вечер. Они с мамой и Дийной чинят лучший из папиных парусов, распростертый у них на коленях. Пальцы у мамы и Дийны — проворнее, тоньше, они делают аккуратные стежки, зашивают прорехи от ветра, пока сама Марен ставит заплаты на дырки, оставшиеся от креплений на мачту.

У очага сохнут охапки белого вереска. Вчера Эрик, брат Марен, собрал его на мелкогорье. Завтра мама отдаст ей три пригоршни. Марен разомнет стебли в руках и засунет поглубже в подушку, вместе с землей и пылью. Медовое благоухание вереска будет едва ли не тошнотворным после долгих месяцев, пронизанных несвежим запахом сна и немых волос. Марен сожмет стебелек в зубах и станет беззвучно кричать, пока ее легкие не наполнятся его едко-сладким, землистым ароматом.

Что-то заставляет ее обернуться к окну. Птица, пятно черноты в темноте, какой-то звук? Она встает, выпрямляет затекшую спину, смотрит на серый залив, на открытое море вдали. Гребни волн сверкают, как осколки битого

стекла. Рыбачьи лодки тихонько качаются на воде, свет фонарей на носах и кормах едва различим в темноте.

На таком расстоянии непонятно, кто где, но Марен представляет, что она видит папину лодку, уходящую вдаль под вторым лучшим парусом; видит папу и Эрика. Они гребут, сидя спинами к горизонту, где солнце уже почти опустилось в море и теперь не поднимется несколько месяцев. В его гаснущем свете рыбакам видны огни в голых, незанавешенных окнах Вардё, тонущего в своем собственном темном море. Они уже миновали одинокий утес, почти подошли к тому месту, где сегодня днем видели большой косяк рыбы, взбодораженной появлением кита.

— Он уйдет, — сказал папа. Мама до дрожи боится китов. — Набьет себе брюхо и уж точно успеет уплыть к тому времени как Эрик догребет туда своими руками-ветками.

Эрик лишь наклонил голову, подставляя маме макушку для поцелуя. Дийна, жена, прижала к его лбу большой палец. Саамы верят, что так закрепляется нить, которая приведет человека из моря домой. Эрик положил руку ей на живот, уже округлившись, но почти незаметный под грубой вязаной кофтой. Она мягко оттолкнула его руку.

— Не трогай его, а то призовешь раньше срока.

Потом Марен будет жалеть, что она тогда не поднялась, не поцеловала обоих в обветренные загоревшие щеки. Она будет жалеть, что не смотрела им вслед, когда они спускались к причалу, оба в плотных рыбацких куртках из тюленьей кожи, плечом к плечу. Марен будет жалеть, что, когда папа с братом ушли, она не почувствовала ничего, кроме умиротворения и благодарности, что наконец-то можно побыть втроем с мамой и Дийной, в уютной женской компании.

Потому что теперь, в свои двадцать лет, получив первое предложение о замужестве, она наконец осознает себя женщиной. Три недели назад к ней посватался Даг Бьёрнсон. Он уже строит им дом, вернее, перестраивает малый